

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>
EDN: FTBYVW

Научная статья / Research Article

Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий

В.О. Демкин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
 vodemkin@hse.ru

Аннотация. Целью исследования – изучение определения и содержания терминов «цифровая личность», «цифровой образ человека», «цифровой профиль», «цифровое гражданство», их соотношение, а также правовые проблемы, связанные с указанными категориями. Актуальность темы подтверждается активным обсуждением нормативно-правовых актов в сферах построения системы цифровых профилей, цифрового гражданства в различных странах мира. Метод исследования составляет анализ имеющейся российской и зарубежной литературы и практики, вычленение их основополагающих положений, исследование взаимосвязей с более «классическими» правовыми категориями, в частности с классическими правами человека, с персональными данными. Сделан вывод об основополагающем положении категории «цифровая личность» для изучения феномена современного цифрового человека. Она связана в первую очередь с правами человека в современном цифровом мире. Такая категория напрямую влияет на иные изучаемые понятия, которые включают в себя, в частности, сведения (данные) об индивидах, а также в целом политику в сфере участия граждан в управлении государством. Для изучения феномена цифрового человека предлагается в первую очередь изучать категорию цифровой личности с точки зрения его прав в цифровом мире, то есть с точки зрения прав человека.

Ключевые слова: цифровой человек, цифровая личность, цифровой образ человека, цифровой профиль, цифровое гражданство, персональные данные, права человека, идентификация

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 3 января 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 512–527. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>

© Демкин В.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Digital identity and digital image of an individual: Legal characteristics and the place in the system of related categories

Vladislav O. Demkin

National Research University Higher School of Economics (HSE University),
Moscow, Russian Federation
vodemkin@hse.ru

Abstract. The purpose of the work is to study the definition and content of the terms “digital personality”, “digital image of a person”, “digital profile”, “digital citizenship”, their interrelation, as well as legal problems related to these categories. The relevance of the topic is confirmed by the active discussion of regulatory legal acts in the areas of building a system of digital profiles, digital citizenship in different countries of the world. The method of research is the analysis of Russian and foreign literature and practice, identification of their fundamental provisions, study of interrelations with more “classical” legal categories, including classical human rights and personal data. The conclusion is drawn about the fundamental position of the category of “digital personality” for the study of the phenomenon of the modern digital person. It is primarily related to human rights in the modern digital world. Such a category directly affects other concepts under study, including information (data) about individuals, as well as the overall policy in the sphere of citizens' participation in state governance. In order to study the phenomenon of the digital person, it is necessary, first of all, to study the category of the digital person from the point of view of their rights in the digital world, i.e., from the point of view of human rights.

Key words: Digital person, digital identity, digital image of a person, digital profile, digital citizenship, personal data, human rights, identification

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 3rd January 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Demkin, V.O. (2024) Digital identity and digital image of an individual: Legal characteristics and the place in the system of related categories. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 512–527. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527>

Введение

В современном мире информация о человеке, как о наборе данных о нем, играет существенную роль в мировой экономике. Массивы данных накапливаются не только крупнейшими технологическими компаниями, но и более рядовыми субъектами предпринимательской деятельности, оказывающими бытовые услуги для населения. Кроме того, огромный объем информации, причем, можно предположить, наиболее чувствительной, собирается различными государственными органами и организациями. Всеми этими сведениями обмениваются как «горизонтально» (частное лицо с частным лицом, или государственный орган с себе подобным), так и «вертикально» (государство с частным хозяйствующим субъектом и наоборот). Различные лица могут совместно принимать участие в обработке данных о человеке, составлять его цифровой портрет для принятия автоматизированных решений относительно него.

Опасения цифровизации человечества находят свое выражение в различной литературе (отечественной и зарубежной) уже со времен начала стремительного развития технологий хранения и обработки больших массивов данных. Существенный массив таких публикаций относится и к правовой литературе. Большая ее часть написана в русле права персональных данных, обращая внимание на проблемы конфиденциальности, приватности, их структуры и теорий устройства. Не менее важны и социологические исследования феномена цифровой личности, в которых обсуждается такая ее характеристика, как восприятие человека окружающими. Такие работы, как правило, основаны на теории наличия у каждого индивидуума множества масок, которые он использует в социальной коммуникации.

Тем не менее в правовых публикациях феномен цифровой личности упоминается, в большинстве своем, вскользь, не удостоивая ее обстоятельной проработке. В настоящей публикации автор намеревается, по меньшей мере, дать начало обсуждениям публично-правовых характеристик цифровой личности, цифрового образа гражданина, а также дать необходимые определения. Исследование основано на положениях права персональных данных, права прав человека, информационного права, а также на некоторых социологических воззрениях на обсуждаемые явления.

Предметом исследования является изучение «цифровой личности», «цифрового образа личности» и иных сходных терминов как правовых категорий. Исследование основано на публикациях практиков и теоретиков в сфере права в области прав человека, персональных данных, приватности и конфиденциальности, конституционного права. Особое внимание уделяется работам различных центров по изучению права цифрового общества, в частности, Гарвардского и Стенфордского университетов. Не последнюю роль играют правовые акты и правоприменительная практика различных государств, в том числе членов Европейского союза, США, России. Таким образом, метод исследования составляет анализ имеющейся теоретической и практической базы по смежным вопросам, вычленение их основополагающих положений, связанных с формированием категории «цифровой личности», исследование взаимосвязей с более «классическими» правовыми категориями и построение на этой основе двух принципиальных представлений о составляющих понятии «цифровая личность», «цифровой образ человека».

Определение «цифровой личности» в литературе

В этой части работы следует описать имеющиеся в научных публикациях представления об определении терминов «личности», «человека», «идентичности», иных смежных понятий и их «цифровых» аналогов.

Под человеком (как базовое понятие биологического вида) в правовых науках понимают «физическое лицо, родившееся от людей живым, обладающее правоспособностью, индивидуализирующими его нематериальными благами, способное действовать автономно, имеющее обособленное имущество, а также характеризующееся биометрическими персональными данными, отделяющими его от других людей, жизнь которого прекращается с момента гибели головного мозга или наступления биологической смерти» (Maleina, 2017).

Существует множество понятий «личности», однако, как сообщается в специальных исследованиях на эту тему, в российской правовой литературе в настоящий момент преобладает понимание личности через перечень социальных связей,

общественных отношений, в которых такая личность участвует (Kapitonova, 2019). Например, Ю.К. Волконский определяет личность как «человека, обладающего индивидуальной системой социально значимых свойств, проявляющихся в отношениях между людьми в их деятельности» (Volkonsky, 2007).

Наиболее часто встречающееся определение цифровой же личности (а также сходных терминов наподобие «цифрового образа человека», «цифрового близнеца» и проч.) сводится к набору данных о ней. Так, Daniel J. Solove, профессор права интеллектуальной собственности и технологий Университета Джорджа Вашингтона и именитый ученый в области приватности, определяет цифрового человека как личность, переведенную в цифровую форму, которая составлена из записей, фрагментов данных и кусочков информации (Solove, 2004). Доктора юридических наук и профессора университета Катара, сотрудники Центра права и развития сформировали модель цифрового клона мысли, под которым они понимают персонализированного цифрового близнеца, состоящего из копии всех известных данных и поведения конкретного живого человека, записывающего его выбор, предпочтения, поведенческие тенденции и процессы принятия решений. Такой клон является чем-то большим, чем обычный «статический» набор данных о ком-либо. Он, представленный в качестве виртуальной модели, может для своего владельца воспроизводить различные заданные ситуации и показывать, как реальный «владелец личности» повел бы себя в ней (Truby & Brown, 2021). Это может быть использовано в маркетинговых, политических и иных целях. Можно сказать, что такой клон мысли – следующий и существенно более дорогостоящий этап развития цифровых личностей.

В социологических исследованиях идентичность определяется как концепт, приписываемый человеку социальными нормами, относящийся к самооценке, индивидуальности, видению самого себя (Zajmi, 2015), а также как возможность организовать свои мысли, чувства и действия (Myers, 2017). Соответственно, под «цифровой идентичностью» возможно понимать видение человеком самого себя в онлайн-мире, его представление в таком мире для других. Можно также сказать, что в различных социальных отношениях индивидуум представляет себя по-разному, в зависимости от того впечатления, которое он хочет произвести о себе для определенной группы собеседников или «обозревателей». Это особенно хорошо заметно при сравнении наполнения страницы о таком человеке в социальных сетях «для друзей» и на сайтах по поиску работы.

В некоторых социологических и правовых научных работах, посвященных трансформации общества в эпоху технологий, под изучаемыми в настоящем разделе терминами может пониматься индивидуум, реализующий свои права и исполняющий свои обязанности с использованием цифровых технологий. Публикации с таким пониманием терминов зачастую посвящены проблемам цифрового равенства, формированию права каждого человека на доступ к технологиям, применению принципа технологической нейтральности в нормотворчестве. По нашему мнению, именно в таких случаях наиболее уместно употреблять термин «цифровая личность».

«Цифровая личность» как офлайн-личность, обладающая правами в цифровом мире

Исходя из приведенных выше положений, видно, что авторы большинства работ (сугубо правовых и не только) под «цифровой личностью» понимают в первую очередь набор данных о ней, выраженный в цифровой, виртуальной среде

и пригодный для обработки автоматизированными средствами. Такое понимание сужает исследования лишь до сферы законодательства о персональных данных.

Нисколько не умаляя важность данной области права, считаем необходимым также обратить внимание на сферу прав человека. Так, появляется все больше публикаций, направленных на изучение новых прав человека в цифровой среде (точнее сказать – в цифровом мире), главным из которых называют право на доступ к Интернету. Среди прочих Э.В. Талапина и Н.В. Варламова освещают такие права и их составляющие и рассматривают сложившиеся теории об их месте в системе прав человека.

Выделяются следующие подходы (иногда они называются стадиями эволюции прав): а) «цифровые права человека» — это лишь классические права при их использовании в цифровой среде; б) «цифровые права человека» — это новые права человека, но являющиеся выражением устоявшихся офлайн-прав в онлайн-среде; в) «цифровые права человека» — это предвестники полностью нового поколения прав человека.

Полагаем, что такие показатели личности в современном информационном обществе, как ее права в онлайн-мире, являются неотъемлемым ее атрибутом как личности цифровой. Среди таких прав можно выделить право на доступ в Интернет, право «быть забытым», право на переносимость данных, право на «цифровую смерть», право на «технологическое равенство». Отметим, что некоторые из них уже выражены в законах разных стран.

Так, например, право «быть забытым» («to be left alone») родилось из права на неприкосновенность частной жизни. Такое новое право в российском законодательстве выражено в ст. 10.3. Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹. Оно выражает возможность индивида требовать удаления информации о нем, если таковая стала неактуальной или недостоверной, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость (такие сведения предполагаются имеющими общественное значение). Право на забвение и право на переносимость данных в европейской практике выражены в Общем регламенте по защите данных (*General Data Protection Regulation*, далее – «GDPR» или «Регламент») и означают право требовать исправления или уничтожения данных, которые обрабатываются с нарушением норм Регламента, право на отзыв своего согласия на их обработку и право требовать предоставления данных о себе в структурированном, повсеместно используемом и машиночитаемом формате соответственно.

Важность определения цифровой личности как личности, обладающей специфическими правами в цифровом мире, заключается в следующем. Н.В. Варламова, комментируя основополагающую работу К. Васака в области прав человека, в которой была предложена концепция поколений таких прав, характеризует их, сравнивая с формулой идеалов Французской революции «Свобода, равенство и братство». Так, права первого поколения (естественные неотчуждаемые права, «Свобода»), выражают притязания на личную свободу, на доступ граждан к осуществлению государственной власти. Они выражаются в негативных обязанностях государства

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г., № 31, ст. 3448.

(и других лиц) не чинить препятствий в реализации таких прав, а также в позитивных обязанностях государства предоставлять защиту в случае их нарушения. Права второго поколения («Равенство») — это притязания на социальные услуги и помощь со стороны государства и общества в целях сглаживания социального неравенства и обеспечения каждому «достойного уровня жизни», на перераспределение доступных обществу ресурсов в пользу уязвимых слоев населения. Они выражаются в обязанностях государства принять меры к социальной помощи нуждающимся индивидам, в особенности – малоимущим. Права третьего поколения («Братство») соотносятся с идеей всеобщей солидарности, включают в себя право на мир, разоружение, справедливое мироустройство, совместное обладание общим наследием человечества, право нации на историческую родину, на самоопределение. Отмечается, что такие положения носят скорее декларативный, морально-политический характер (Varlamova, 2019).

Таким образом, говоря о цифровой личности как о «наборе» ее прав в цифровом мире, важно также и классифицировать, какие меры и способы правовой защиты, какую природу подразумевают эти права. Если не соглашаться с концепцией цифровых прав как четвертого поколения прав человека, то важно также и распределить их по сложившимся трем поколениям.

Так, право на доступ в Интернет является самым спорным из ряда цифровых прав, и на тему определения его места в системе прав человека имеется довольно много публикаций в российских и зарубежных изданиях. Так, некоторые право на доступ в Интернет понимают в качестве составляющего права на информацию (на доступ к информации, на ее распространение). Такое «устоявшееся» право первого поколения, действительно, может подразумевать свободу личности в выборе конкретного технического средства, с использованием которого она желает совершить доступ к интересующим ее сведениям или к их распространению. В этом смысле Интернет условно приравнивается к газетам, радио, телевидению и средствам массовой информации. Однако доступ к Интернету необходим также для получения различных государственных услуг, участия в политической жизни страны, для удобного и привычного уже большинству людей ведения жизнедеятельности. Особенностью Интернета также является его свобода в создании и поиске контента самими индивидами. В отличие от традиционных газет, радио и телевидения наполнение Интернета контентом не контролируется (в общем и целом) и не подвержено какой-либо редакционной политике, за исключением требований цензуры в различных странах. Этот факт также подчеркивает особую роль сети для создания, распространения, поиска и доступа к любой интересующей человека информации.

Исходя из этого преобладающим в литературе мнением относительно содержания права человека на доступ в Интернет является теория о двух его аспектах: технический – право иметь возможность подключиться к сети; идеологический – право на доступ к информации, на защиту от незаконной блокировки сайтов (Хуснутдинов, 2017). Возможность подключения к Интернету во многих странах уже сейчас обеспечивается государствами (и этот подход поддерживается в публикациях). В частности, эстонский Закон о публичной информации (параграф 33) предусматривает, что каждому человеку предоставляется возможность получения свободного доступа к общественной информации в Интернете в публичных библиотеках²

² Public Information Act. Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/518012016001/consolide> (дата обращения: 06.11.2023).

(без требований к скорости соединения с сетью, к доступности любой информации в целом). Статья 52 испанского Закона об устойчивой экономике устанавливает в качестве универсальной услуги связи услугу широкополосного соединения со скоростью не ниже 1 Мбит в секунду (или выше – по решению профильных министерств), что означает, в частности, государственное регулирование тарифов поставщиков таких услуг на такие соединения с минимальной скоростью³. Наконец, в России в рамках программы «Доступный Интернет» были включены обязанности операторов телематических услуг связи по предоставлению абонентам бесплатного доступа к отечественным социально значимым информационным ресурсам, срок которого с 1 сентября 2024 г. будет увеличен с 24 часов до 7 суток. При этом предоставляется доступ только тем гражданам, которые имеют договор с оператором связи; только к страницам, содержащим текстовый контент; только со стационарных устройств. Перечень таких социально значимых страниц устанавливается Правительством⁴.

Определение права на доступ к Интернету в качестве права цифровой личности порождает (может породить) некоторые интересные казусы. Так, в практике Европейского суда по правам человека (далее – «ЕСПЧ») отмечается, что право на доступ к Интернету (в его идеологическом аспекте) может быть ограничено с целью соблюдения общественных интересов, сохранения безопасности государства. В качестве примера приводятся случаи блокирования доступа к некоторым сайтам (страницам сайтов). Отмечается, что решение об этом возможно при следующих условиях: 1) оно основано на национальном законе; 2) владельцу сайта предложены реальные гарантии и механизмы защиты его интересов (в частности, предоставлена возможность участвовать в принятии решения); 3) блокируется лишь та информация, распространение которой запрещено, в минимально необходимом для этого объеме (Талапина, 2021).

Такое ограничение в доступе к информации из-за противоречия последней закону является общим и распространяется на всех пользователей на определенной территории. Решение о таком ограничении, при этом может приниматься не государственным органом «сверху», а частным лицом «снизу».

В литературе со ссылкой на Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2011)8 «О защите и поощрении универсальности, единства и открытости Интернета» отмечается, что действия государств по управлению информацией в Интернете должны оставаться в их территориальных границах и не препятствовать доступу к информации жителям других стран. Государствам следует поддерживать

³ Ley 2/2011, de 4 de marzo, de Economía Sostenible. Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2011-4117> (дата обращения: 06.11.2023).

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2021 № 2606 «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных». Номер опубликования: 0001202201050010, дата опубликования: 05.01.2022. Режим доступа <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202201050010> (дата обращения: 15.11.2023); Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2607 «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи». Номер опубликования: 0001202201060008, дата опубликования: 06.01.2022. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202201060008> (дата обращения: 15.11.2023); Приказ Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г. № 148 (ред. от 1 июля 2021 г.) «О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/documents/7146/> (дата обращения: 15.11.2023).

коммуникацию друг с другом для обеспечения свободного обмена информацией и целостности Интернета (Khusnutdinov, 2017)⁵.

В связи с подобными рекомендациями (и в случае признания права на доступ к Интернету в качестве права человека) возникает вопрос – являются ли некоторые положения «экономических санкций» нарушением прав человека? В частности, некоторые из них могут подразумевать не только необходимость прекращения доступа к определенным сайтам на территории некоторых стран, но и запрет на импорт каких-либо технических составляющих, необходимых для работы Интернета, или запрет на оказание определенных услуг связи в сфере доступа к сети. Также необходимо рассмотреть, изменится ли ответ в случае, если такие «ограничения» накладывают «на себя» частное лицо, являющееся владельцем сайтов или производителем определенной продукции, в том числе под влиянием законодательства страны своего места нахождения.

Подобные санкции являются мерой политической борьбы против неугодных действий государства-цели. Ограничительные меры при этом направлены против жителей такой страны. Различные общественные объединения в сфере защиты целостности Интернета обеспокоены подобным развитием событий и проводят исследования влияния санкций на работу сети⁶. В них отмечается, что органы власти Европейского союза поняли проблему ограничения доступа граждан страны-цели к Интернету и 3 июня 2022 г. приняли «Internet-carvout», в котором из санкций против России были исключены средства или экономические ресурсы и связанные с ними услуги, строго необходимые для работы электронных сервисов коммуникации операторами связи Европейского союза, среди прочего, в России и между Россией и Европейским Союзом.

Исследователями также отмечается, что «блокирование доступа человека к Интернету представляет серьезное вмешательство в свободу» (Talapina, 2021), а также что недопустимо отключение лица от Интернета в качестве санкции за совершение повторного нарушения в сфере интеллектуальной собственности (на основе опыта применения таких норм права во Франции и Великобритании) (Sartor, 2017). При этом запрет использования Интернета, иных сетей связи, даже отправление и получение почтово-телеграфных отправлений может быть наложен на подозреваемого в совершении преступления в соответствии со ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В этом смысле указанные запреты являются ограничением «классических» прав человека на доступ к информации и ее распространению. Является ли оправданным столь серьезное ограничение подозреваемого в реализации прав человека? Думается, что в случае признания права на доступ в Интернет в качестве такового следует снова задуматься над этим вопросом, в частности, над необходимостью сужения довольно обширного запрета на использование сети. Например, возможно разрешить подозреваемому использовать только социально значимые информационные ресурсы из перечня Правительства РФ либо отдельные их категории, необходимые для получения муниципальных и государственных услуг (что удобно, ведь в указанном перечне ресурсы уже разделены на категории).

⁵ Recommendation CM/Rec(2011)8 of the Committee of Ministers to member states on the protection and promotion of the universality, integrity and openness of the Internet. Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805cc2f8 (дата обращения: 17.11.2023).

⁶ Sanctions and Internet. Режим доступа: <https://digitalmedusa.outcondev.com/wp-content/uploads/2023/11/SanctionsandtheInternet-DigitalMedusa-1.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).

Таким образом, предлагается использовать термин «цифровая личность» для обозначения индивида, который обладает правами (наличие и возможность реализации которых при этом гарантированы государством), связанными с цифровыми технологиями и цифровым миром.

Несмотря на то, что сложно представить противопоставление в виде «нецифровой личности», изучение этой категории важно для правовой науки. Исследования в этой сфере позволят более качественно соотносить предлагаемые инициативы в сфере принятия нормативных правовых актов с принципами и целями развития прав человека в Интернете. В частности, на основе таких исследований могут появиться закрепленные в законе дополнительные права человека, например, право на доступ в Интернет. А с учетом роли Интернета как основной платформы для обмена информацией между людьми и для получения государственных и муниципальных (социальных в первую очередь) услуг индивиды могут быть освобождены от ограничений в использовании сети, в том числе в соответствии с нормами уголовно-процессуального права.

Изучение цифровизации современной личности также предоставляет праву принципы его развития в будущем. Помимо необходимости гарантирования минимального доступа к Интернету большей части населения, появляются и иные правила формирования нормативных актов. Так, в частности, их положения должны быть технологически нейтральными с тем, чтобы права и обязанности индивидов могли быть реализованы и использованы не только онлайн, но и офлайн, и наоборот, а также с использованием различных технологий и систем.

«Цифровой образ» как система сведений о человеке. Смежные правовые категории

Наиболее распространенным в российской и зарубежной литературе методом определения «цифровой личности» является «подход данных». Она определяется через терминологию законодательства о персональных данных и означает, в первую очередь, бинарное выражение интересов, поведения истории человека. Такая «копия человека» может использоваться в политических и маркетинговых интересах с целью предсказания голоса человека за того или иного кандидата, вероятности заказа того или иного товара, проведения скоринга, а также выработки модели поведения в отношении него с тем, чтобы добиться совершения тех действий, которые интересны владельцу такой «копии». Подобное стало возможным в эпоху технологии «Больших данных». Под ней можно понимать, например, «совокупность инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов из различных источников, подверженных постоянным обновлениям, в целях повышения качества принятия управленческих решений, создания новых продуктов и повышения конкурентоспособности» (Saveliev, 2015).

Представляется, что в силу создания такого слежка личности индивида, перенесения его в цифровой мир для целей построения алгоритмических процессов в отношении него и для разграничения с термином «цифровая личность» в подобных случаях корректнее использовать термин «цифровой образ человека».

В зарубежной литературе зачастую используется термин «цифровая идентичность» («digital identity») для обозначения данных о человеке, участвующих в определенных транзакциях. Так, специалист в сфере особенностей правового

регулирования цифрового человека Клер Салливан (Clare Sullivan) разделяет «цифровую идентичность» на идентифицирующую информацию (identifying information), токен (token identity) и иную информацию о человеке (other information) (Sullivan, 2009). Согласно этому подходу формирование цифровой идентичности происходит в момент регистрации индивида в системе и предоставления им идентифицирующей информации (которой могут быть, например, фотография, образец подписи, биометрические данные, PIN-коды). Это позволяет установить связь между конкретным человеком и информацией о нем. После этого индивид, желая совершить сделку или вступить в отношения с государственными или муниципальными органами, предъявляет «заново» требуемый набор информации, которая автоматически сличается с той, что занесена в верифицированную базу данных. На основании этого Клер Салливан делает достаточно спорный вывод о том, что в таких отношениях участвует не человек, а токен, который является субъектом права (legal person).

Автор отмечает, что подобная схема отношений с участием цифровой личности использовалась в Великобритании с 2006 по 2011 г., когда в стране действовал национальный реестр удостоверений личности. В этот период времени гражданам Великобритании, гражданам стран Европейской экономической зоны и иммигрантам выдавались электронные карточки вместо паспортов, и определенная информация о них заносилась в национальную базу данных о владельцах таких карт. В 2011 г. этот эксперимент был прекращен, а информация была удалена из национального реестра.

В российской нормативно-правовой деятельности и научной литературе также часто используется термин «цифровой профиль (гражданина)» для целей описания единого окна для взаимодействия граждан и организаций с различными органами государственной власти, органами местного самоуправления, кредитными организациями, а также для управления предоставленными согласиями на обработку персональных данных, в том числе биометрических. Также с 2019 по 2022 г. в Государственной Думе РФ обсуждался законопроект, связанный с введением понятия «цифровой профиль» и некоторых иных норм в части идентификации и аутентификации с использованием специальных информационных систем цифрового профиля, электронного удостоверения личности в законодательство об информации.⁷ По итогам рассмотрения законопроект был отправлен на доработку с некоторыми замечаниями.

Термин «цифровой профиль», относимый к физическому лицу, входит в определение понятия «цифровой образ человека». Под цифровым профилем в литературе понимается совокупность актуальных, достоверных данных и иных сведений о физических и юридических лицах, формируемых в единой системе идентификации и аутентификации или других информационных системах органов государственной власти и местного самоуправления, а также подведомственных им организаций, взаимодействующих с ней посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, в целях их предоставления с согласия соответствующих граждан или юридических лиц субъектам, запросившим доступ к этим сведениям посредством соответствующей инфраструктуры (Vinogradova, Polyakova & Minbaleev, 2021). Таким образом, в систему цифрового профиля входят персональные данные, в том числе специальные их категории, биометрические данные, а также

⁷ Законопроект № 747513-7. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 31.12.2023).

иные чувствительные – например, сведения о здоровье, о вероисповедании, о финансовом статусе, о воинской обязанности, о трудоустройстве и месте жительства. В свою очередь, цифровой образ человека не ограничивается информацией, необходимой лишь для целей осуществления публичной государственной политики и содержащейся в соответствующих государственных информационных системах.

Процесс создания системы цифрового профиля также выражено в стремлениях российского государства использовать Единый регистр населения. В соответствии с принятым Федеральным законом «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» переходный период установлен на срок до 31.12.2025. В единую информационную систему будут включены разнообразные сведения о гражданах России, об иностранцах, об апатридах для целей реализации государственных полномочий.

Создание системы цифрового гражданства является логичным продолжением развития инфраструктуры цифрового профиля. Ученые в сфере конституционного и государственного права при этом под цифровым гражданством понимают не столько публично-правовую категорию отношения человека к определенному государству и подчинения правовой системе последнего, сколько следующий этап развития демократического общества и его институтов. Его можно определить, например, как возможность участвовать в жизни общества онлайн (Mossberger, Tolbert & McNeal, 2008); как публично-правовой порядок взаимодействия государства и личности в информационном и цифровом пространстве; как форму участия в публичном пространстве, в обсуждении и принятии публично значимых решений; как цифровую платформу для коммуникации при реализации как публичных, так и частных интересов (Kravets, 2023). Полагаем, что в этом смысле цифровое гражданство тесно связано с выражением прав цифровой личности в Интернете. В частности, для подлинного развития демократии, участия общества в управлении государством требуется совершенствовать системы общественного и экспертного контроля за обсуждаемыми законопроектами. Этого можно добиться путем создания портала для такого обсуждения и предложения поправок, комментирования отдельных положений (во избежание пакетного одобрения или неодобрения законопроекта в целом).

В любом случае наиболее существенную защиту индивидов при использовании их цифровых образов и цифровых профилей предоставляет законодательство о персональных данных. Важнейшими его элементами являются: 1) определение информации в качестве персональных данных (и, соответственно, распространение положений соответствующего законодательного массива на нее); 2) определение оснований, срока и целей для законной обработки персональных данных (и, соответственно, объема контроля субъекта за ней); 3) требования к операторам по защите персональных данных при их обработке (и, соответственно, определение действий, требовать совершения которых может субъект персональных данных под угрозой применения к оператору мер ответственности). При этом, с учетом построения «цифрового образа» при использовании технологий «Больших данных», возникает противоречие между целями законодательства о персональных данных, реальным применением его положений на практике и степенью защищенности субъектов персональных данных. Кроме того, объединение разнообразных персональных данных в одну базу (регистр, реестр) влечет за собой риски ее взлома, утечки силами злоумышленников. Это особенно важно учитывать при создании государством единой базы данных о населении.

В большинстве правовых систем мира термин «персональные данные» раскрывается через обширное определение, включающее в себя любую информацию, относящуюся к определенному или определяемому физическому лицу. Разъяснения такого определения даются в различных документах государственных органов и судебной практике. Так, например, в «Мнении 4/2007 о концепции персональных данных», выпущенном «Рабочей группой 29» – консультативным органом Европейского Союза по защите данных и конфиденциальности («Opinion 4/2007 on the concept of personal data», issued by Article 29 Working Party), понятие «персональные данные» разделяется на составные элементы и на практических примерах даются общие рекомендации по признанию тех или иных сведений персональными данными⁸. В США существенную роль играют решения Верховного суда по определению широты защиты частной жизни граждан в соответствии с Конституцией. Так, защита частной жизни и персональных данных (в том числе с использованием различных технологий) осуществляется с учетом разумных ожиданий потребителя – человек должен сформулировать разумное ожидание по поводу защиты частной жизни, и оно должно восприниматься обществом как разумное (Talapina, 2021).

Одним из практических способов для обработчика информации не выполнять требования законов о персональных данных – сделать их неперсональными. Такой процесс называется анонимизацией. Отметим, однако, что определение схожего термина «обезличивание», содержащееся в российском Федеральном законе «О персональных данных», не выводит такие данные из сферы персональных полностью, а GDPR использует слово «псевдонимизация» («pseudonymization»). Это связано с тем, что, убрав часть данных и заменив ее на некую общую информацию (цифровой идентификатор например), физическое лицо все равно может быть идентифицировано при использовании другой, также обезличенной, информации. Такое объединение баз данных и является самой сутью технологии «Больших данных». Отмечается, что в эпоху «Больших данных» данные могут быть либо представлять ценность для обработки, либо быть анонимными, но одновременно и тем, и другим – никогда (Ohm, 2010). Поэтому такой способ также вряд ли подойдет для использования операторами с целью ухода от требований законодательства о персональных данных.

Основное легитимирующее обработку персональных данных основание – согласие субъекта персональных данных – также не является по-настоящему эффективным в эпоху создания цифровых образов граждан с использованием технологий «Больших данных». Универсальными требованиями к согласию являются его информированность, конкретность и сознательность; согласие также должно даваться для обработки с определенной целью в течение оптимального срока. Этого невозможно добиться при использовании технологий «Больших данных», хотя бы потому что невозможно заранее предположить, какому лицу будут предоставлены персональные данные по результатам их обработки и, соответственно, невозможно заранее получить согласие на такое действие.

Разумность использования в современное время согласия субъекта как основного легитимирующего основания для обработки персональных данных является популярным вопросом в литературе в области защиты частной жизни⁹. Изучая

⁸ Opinion 4/2007 on the concept of personal data. Режим доступа: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/index_en.htm (дата обращения: 01.12.2023).

⁹ Burt A. Nowhere to Hide: Data, Cyberspace, and the Dangers of the Digital World. Digital future whitepaper series. Режим доступа: https://law.yale.edu/sites/default/files/area/center/isp/documents/white_paper_2020_nowhere_to_hide_burt_yls_isp_digital_future.pdf (дата обращения: 03.12.2023).

исторические аспекты зарождения такой системы в мировых правовых порядках, исследователи приходят к выводу, что сейчас она не работает с достаточной степенью эффективности – индивиды зачастую не читают политики конфиденциальности или описания целей и условий обработки их данных, которые к тому же в большинстве случаев написаны сложным для рядового потребителя языком. Кроме того, пользователь всегда поставлен в зависимое положение и, желая получить благо от своего контрагента, он не сопоставляет ценность своих данных и получаемой цифровой услуги с разумной степенью достоверности, поскольку при отказе от предоставления персональных данных (согласия на их обработку) он несет риски отказа в получении желанного эффекта. Изучение дополнительных, побочных целей обработки персональных данных по поручению основного оператора еще более затруднительна.

Формирование же системы цифрового профиля гражданина опирается не на согласие как легитимирующее основание для обработки персональных данных и их объединения в единую базу, а на обработку для достижения целей, предусмотренных законом. В этом случае индивиды фактически теряют возможность осуществлять контроль за своими данными – они не могут принимать решение об их включении в единый регистр, об их извлечении и использовании третьими лицами (в случае получения банковских услуг например), об иных видах их обработки. Им доступна лишь актуализация сведений в информационных системах операторов, которые обязаны их обрабатывать.

Таким образом, с учетом определения цифровой персоны через данные о ней кажется более корректным использовать термин «цифровой образ», поскольку ключевым в подобного рода деятельности является обращение для достижения определенных целей именно к «слепок» личности индивида. Однако здесь стоит прямо отметить, что использование цифрового образа личности (ее цифрового профиля) неразрывно связано с правами цифровой личности.

В частности, это особенно заметно при предоставлении государственных услуг. В рамках исследований Гарвардского центра по изучению права цифрового общества было выпущено несколько работ, посвященных необходимой структуре любой, в том числе государственной системы, предполагающей отражение в ней слепков реальных личностей, их классификацию по тем или иным признакам¹⁰. В частности, отмечается, что одним из принципов построения таких систем должно быть стремление к совпадению личностей реальной и цифровой для каждого конкретного человека, что также предполагает возможность изменения цифровой личности вслед за реальной. Приводится простой пример: любая форма для регистрации предполагает классификацию пользователя по определенным критериям. Зачастую разработчик системы предполагает выбор из определенного закрытого перечня вариантов, что, в целом, понятно, так как это позволяет с большим удобством обрабатывать полученные результаты и делить индивидов на группы. Однако такой перечень не всегда соответствует представлением реальной личности о себе (которые при этом не всегда стабильны), а часть признаков может быть динамически развивающимися и меняющимися в течение жизни. Речь может идти о роде занятий, виде профессии, социальном статусе, достатке, политических предпочтениях, поле, возрасте, даже расе и нации.

¹⁰ См., напр., Digital Identity & Discretion. Режим доступа: <https://cyber.harvard.edu/projects/digital-identity> (дата обращения: 02.12.2023); Cortesi S., Gasser U., Hasse A. Transforming State-of-the-Art Offline Approaches for the Digital World. Режим доступа: <https://cyber.harvard.edu/publication/2022/transforming-state-art-offline-approaches-digital-world> (дата обращения: 02.12.2023).

Технологии «Больших данных» показали свою эффективность в ситуации, сложившейся в крупной торговой сети «Target», когда ее сотрудники в 2012 г. с довольно высокой степенью точности определили дату родов своей покупательницы и решили направлять последнюю рекламу – еще до того, как о беременности узнали родственники девушки¹¹.

Впрочем, указанное является не только риском или угрозой существования приватности, какой мы ее знаем или желаем знать, но также и технологической перспективой развития информационных систем. Не зря GDPR в качестве своей цели провозглашает не только обеспечение защиты персональных данных и их обработки, но также и свободный оборот этих данных («free flow of data»).

Таким образом, под «цифровым образом» человека можно понимать совокупность достоверных, точных, актуальных сведений о человеке, выраженных в цифровой форме и способных применяться для принятия автоматических решений в отношении него на основе алгоритмического анализа таких сведений.

Заключение

Категория «цифровая личность» прежде всего должна изучаться в науке о правах человека – о его правах в цифровом мире, о новых возможностях взаимодействия с другими индивидами, с юридическими лицами, с государством. Конечно, понимание цифровой личности как набора ее персональных данных не является неверным или некорректным, но является скорее зависимым от выводов, сделанных в исследовании с точки зрения прав человека. Таким образом, определение цифровой личности как персоны, обладающей новыми правами или новым выражением старых прав онлайн, является определяющей и, можно сказать, связующей, темой исследований в сфере цифрового человека. Специалист, овладевший пониманием цифровой личности с точки зрения прав человека, не способен, конечно, решить одновременно глубинные вопросы уголовного, информационного, процессуального, гражданского права, права персональных данных, но в состоянии обозначить, поставить соответствующие проблемы в этих областях и постепенно «направлять» своих профильных коллег в их исследованиях. Именно в этом состоит главная ценность изучения цифровой личности, цифрового человека в настоящий момент развития правовой науки.

В юридической литературе и нормативно-правовой деятельности используются схожие термины: «цифровая личность», «цифровой образ человека», «цифровой профиль», «цифровой гражданин». Цифровую личность следует относить в первую очередь ко всем людям безотносительно их национального происхождения, гражданства, места проживания (поскольку она обозначает в первую очередь права человека в цифровом мире и гарантии их реализации). Цифровой образ человека означает совокупность персональных данных о нем, составляющую слепок личности. Цифровой профиль используется при описании данных о гражданине в государственных и муниципальных информационных системах для его идентификации, оказания государственных и муниципальных услуг, принятия решений относительно него в сфере государственной политики. Цифровое гражданство необходимо для

¹¹ Hill K. How Target Figured Out A Teen Girl Was Pregnant Before Her Father Did. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/kashmirhill/2012/02/16/how-target-figured-out-a-teen-girl-was-pregnant-before-her-father-did/?sh=3f2acbd66668> (дата обращения: 02.12.2023).

выработки государственной политики в сфере реализации прав своих граждан в Интернете.

Все эти термины являются взаимосвязанными, а исследования в отношении них – взаимодополняемыми. Настоящая работа будет полезна в проведении будущих исследований для целей более четкого разграничения используемых терминов и их разделения по отраслям права, для выработки методов таких исследований и методов регулирования соответствующих общественных отношений.

References / Список литературы

- Kapitonova, E.A. (2019) On understanding of the term “person” in modern legal science. *Law and Right*. (9), 50–53. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10395> (in Russian).
Капитонова Е.А. О понимании термина «личность» в современной правовой науке // *Закон и право*. 2019. № 9. С. 50–53. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10395>
- Khusnutdinov, A.I. (2017) The right to access the Internet – a new human right? *Comparative Constitutional Review*. 4(119), 109–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-4-109-123> (in Russian).
Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет – новое право человека? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2017. № 4(119). С. 109–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2017-4-109-123>
- Kravets, I.A. (2023) Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society. *Comparative Constitutional Review*. (2), 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123> (in Russian).
Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 2. С. 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123>
- Maleina, M.N. (2017) Formation of the concept of “human being” in Russian law. *State and Law*. (1), 16–23. (in Russian).
Малеина М.Н. Формирование понятия «человек» в российском праве // *Государство и право*. 2017. № 1. С. 16–23.
- Mossberger, K., Tolbert, C.J. & McNeal, R.S. (2008) *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Myers, D.G. (2017) *Exploring Social Psychology*. 8th edition. New York, McGraw Hill.
- Ohm, P. (2010) Broken promises of privacy: responding to the surprising failure of anonymization. *UCLA Law Review*. (57), 1701–1777.
- Sartor, G. (2017) Human Rights and Information Technologies. *The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology*. 424–450. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199680832.013.79>
- Saveliev, A.I. (2015) The issues of implementing legislation on personal data in the era of Big Data. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (1), 43–66. (in Russian).
Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2015. № 1. С. 43–66.
- Solove, D.J. (2004) *The Digital person. Technology and privacy in the information age*. New York, New York University Press.
- Sullivan, C. (2009) Digital identity – The legal person? *Computer Law & Security Review*. (25), 227–236. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2009.03.009>
- Talapina, E.V. (2021) Comparative digital law: formation and prospects. *Journal of Russian Law*. 25(9), 18–32. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.108> (in Russian).
Талпина Э.В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 9. С. 18–32. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.108>

- Talapina, E.V., Antopolsky, A.A. & Monakhov, V.N. (2021) *Human Rights in the Era of the Internet: public-law aspect: monograph*. Talapina, E.V. (ed.). Moscow, Prospect Publ. (in Russian). Права человека в эпоху интернета. Публично-правовой аспект: монография / Э.В. Талапина, А.А. Антопольский, В.Н. Монахов; отв. ред. Э.В. Талапина. М.: Проспект, 2021. 143 с.
- Truby, J. & Brown, R. (2021) Human digital thought clones: the Holy Grail of artificial intelligence for big data. *Information & Communications Technology Law*. 30 (2), 140–186. <https://doi.org/10.1080/13600834.2020.1850174>
- Varlamova, N.V. (2019) Digital rights – a new generation of human rights? *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 14(4), 9–46. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova> (in Russian).
Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 9–46. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova>
- Vinogradova, E.B., Polyakova, T.A. & Minbaleev, A.V. (2021) Digital profile: concept, mechanisms of regulation and problems of implementation. *Law Enforcement*. 5(4), 5–19. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19) (in Russian).
Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19)
- Volkonsky, Y.K. (2007) *Modern political and legal relations of the individual and the state in the Russian Federation: Candidate of Legal Sciences dissertation*. Vladimir, Vladimir State Pedagogical University. (in Russian).
Волконский Ю.К. Современные политико-правовые связи личности и государства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2007. 189 с.
- Zajmi, I. (2015) Online Identity. In: *Global Information and national cultures*. Pristina, Kosovo. pp. 331–341.

Об авторе:

Демкин Владислав Олегович – аспирант Аспирантской школы по праву, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 109028, Российская Федерация, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3
ORCID: 0000-0002-1079-425X; SPIN-код: 1755-2053
e-mail: vodemkin@hse.ru

About the author:

Vladislav O. Demkin – graduate student of the Doctoral School of Law, National Research University “Higher School of Economics”; 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky Pereulok, Moscow, 109028, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1079-425X; SPIN-код: 1755-2053
e-mail: vodemkin@hse.ru